

СРЕДИ иностранных гостей, находившихся на Красной площади 7 ноября 1927 года, был и великий американский писатель Теодор Драйзер. С огромным интересом наблюдал он за многотысячной праздничной демонстрацией трудящихся. Потом была трехмесячная поездка по СССР — десятки городов от Москвы до Новосибирска, от Новгорода до Баку. И результат пытливого и требовательного узнавания — книга «Драйзер смотрит на Россию», опубликованная в США в 1928 году.

Теодор Драйзер продолжил то открытие нового социалистического мира, которое для американского читателя начал Джон Рид. Драйзер смотрит на Россию глазами американца через десять лет после Рида. Это были годы гражданской войны и восстановления народного хозяйства, годы, когда советские люди готовились к штурму высот социалистической индустрии и коллективизации сельского хозяйства. Это было время, когда западная пресса не жалела черных красок в изображении жизни Советской страны.

Непреклонная правдивость, высокий гуманизм, ненависть ко всем и всяческим формам угнетения и эксплуатации человека — именно эта позиция позволила Драйзеру грезю и непредвзято взглянуть на новую историю России. В своей книге он писал: «Выводы, к которым я пришел, были результатами личных наблюдений. Однако было бы нечестно как по отношению к советскому строю, так и к самому себе делать вид, будто такое краткое знакомство может послужить основой для исчерпывающего безошибочного анализа колоссального эксперимента, проводимого в масштабах целого государства. Я предлагаю читателю просто честную запись того, что сам видел и испытал там».

Я рад предложить сегодня читателям «Комсомольской правды» отрывки из заключительной главы книги «Драйзер смотрит на Россию». На русском языке они публикуются впервые.

Я. ЗАСУРСКИЙ,
кандидат филологических наук.

Теодор

ДРАЙЗЕР

«ЧТО Я ВИДЕЛ И ИСПЫТАЛ...»



ТЕПЕРЬ, когда я подхожу к концу этой книги, разрешите мне поговорить о том, о чем без всякого плана. В России я понял то, о чем и помыслить не мог в Америке, а именно: думать, что истинное достоинство человека может порождаться материальной собственностью — значит ошибаться. Ничего подобного. Истинное достоинство человека лежит в сфере духовной, это — его мысли и их значение для мира, а истинная сила — это нечто, рожденное мыслью, которая может найти и находит отклик в умах всех людей, которая вдохновляет всех. Я, разумеется, хорошо знаю, что способность мыслить и ум, особенно выдающиеся, встречаются не так уж часто, но когда они встречаются, их воздействие на массы просто невероятно, поэтому их надо приветствовать и беречь. И вот в России это ощущаешь очень ясно.

В РОССИИ я также почувствовал, что может существовать правительство, которое мыслит, которое к чему-то стремится. А как это важно, чтобы правительство думало, чтобы оно имело программу! Есть такое правительство у нас? Когда-то я считал, что да, что хотя бы теоретически мы идем к чему-то, сознательно ищем для себя какого-то более высокого духовного и психологического состояния, которое может породить все большую мудрость, все большую интеллектуальность, любознательность, все более интенсивное мышление. Возможно, разумеется, что я сильно ошибаюсь, приписывая своему народу такое стремление творчески мыслить. Порою мне кажется, что я только воображаю то, чего нет и никогда не будет в Америке. Последнее время я все больше склоняюсь к этой точке зрения, ибо мы насквозь материалистичны и поэтому в духовном отношении остаемся подростками.

Но как не похожа на нас Россия! Господи, какое кипение и бурление подлинной, серьезной, щедрой, не ограниченной чисто материальными ценностями, высоко духовной мысли! Представьте себе группу руководителей (мужчин и женщин) — в Центральный Комитет Коммунистической партии входит 167 человек, представляющих каждый уголок и каждый этап этой гигантской страны, — руководителей, которые думают не только об одной России, как мы в Америке думаем только об Америке, но и обо всем мире! Вы можете беседовать с человеком вроде председателя Калинина, крестьянского батюшки России — я, возможно, самого ее любящего и внимательного советника, — или с Георгием Чичериным, ее наркомом иностранных дел, или со Сталиным, секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии или с любым другим человеком, имеющим отношение к современному коммунистическому руководству России, и вы почувствуете, что говорите не просто с политиком или официальным лицом, которое по той или иной причине, связанной с его официальным или политическим положением, должен говорить так, а не иначе (как это скучно и отвратительно бывает в Америке!). Но с человеком, который и сердцем и разумом убежден не только в важности, но и в неотложной необходимости всего, что делается, и который говорит без всякого оттенка «узости», не от имени какой-либо конкретной группы, финансовой, политической или общественной, как это бывает в Америке, Англии, Германии и Франции. Короче говоря, вы увидите перед собой человека, который в первую очередь заботится об осуществлении коммунистического идеала не только в России, но и во всем мире...

И ЕЩЕ один факт, которым меня порадовала Россия и который я никогда не забуду: оказалось, что с помощью коммунизма, этой коллективной отеческой заботы о каждом человеке, возможно уничтожить страшное ощущение социальной нищеты, которое так угнетало меня всю мою жизнь в Америке...

В России — другая картина: в общем тоне городов и поселков чувствуется нечто, прежде неизвестное нигде в мире. Где богатые? Их нет. А где убогие, замученные бедняки? Они тоже исчезли. Сколько бы вы ни ходили по улицам любого русского города — Одессы, Ленинграда, Перми, Баку, Киева, Новосибирска, — вы не почувствуете той разницы между жизненным уровнем различных классов, которая так мучила вас в детстве. Это невозможно. Вы понимаете всю важность таких слов? Это попросту невозможно! Правда, вы видите прекрасные дома, построенные людьми, которые до войны были полны гордости и наденности не меньше любых других богатей мира и владели миллионами, когда у крестьян и рабочих не было ничего. А что же теперь? Где все эти люди? И кто живет в их дворцах? Вот этот дворец стал школой, тот — больницей, тот — учреждением, тот — библиотекой, тот — рабочим клубом, тот — санаторием, домом отдыха, родильным домом, детским садом, ремесленным или художественным училищем такого-то и такого-то профсоюза. Нигде по всей стране не найти дома, претендующего на роскошь, который не был бы поглощен системой общего социального обеспечения...

И пусть прохожие на улицах скучны, если вам так кажется. И пусть они не слишком хорошо одеты. И пусть у них мало денег — да, у большинства их, конечно, очень мало, но где же подлинная нужда? Что случилось с прежней вопиющей нищетой бедняков, которая чувствовалась особенно остро по контрасту с блеском, тщеславием и роскошью бессмысленного богатства? Ее не существует. Вы не ощущаете здесь присутствия нужды, так же, как не ощущаете и присутствия роскоши — потому что их нет. Разумеется, существует, как и везде, разница в умственных способностях. Существуют также профессиональные или официальные различия в том смысле, что один человек может занимать более ответственный пост, чем другой, и поэтому считается в данное время более нужным или даже попросту необходимым. Но нет и следа мишуры и показного блеска, нет социальных изгоев, голодных, безнадежно взвешивающих на богатство, на тех, кто случайно или благодаря вольей хватке вышел победителем в зверски беспощадной классовой борьбе...

И ЕЩЕ одному научил меня большевистский режим, а именно, что человек, обладающий большими способностями, не должен быть о себе слишком высокого мнения. Ведь в наши дни есть много людей — очень много, — которые могут хорошо работать, если на них оказывать достаточное давление. И не только это. Если нет нужного человека, его с успехом может заменить коллективная работа десяти или двадцати человек. И еще — что священная сущность частной собственности исчезла, потому что собственность уничтожена. Человека в России учат, что ему в жизни требуется очень немного — даже самому выдающемуся человеку, — и что он не должен гордиться своей силой и достижениями или использовать их для угнетения других людей. Он может использовать свои способности для общего блага — и никак иначе.

Теодор Рузвельт не раз повторял, что нам в Америке, возможно, придется наложить цепи на хитрость, как мы наложили их на алчность. Насколько я мог заметить, мы не слишком-то заковали в кандалы алчность. А уж хитрости во всяком случае предоставлена полная свобода. Но сама по себе эта мысль неплоха, и в России уже создали систему, с помощью которой можно обуздать и то, и другое, и теперь ее совершенствуют. Конечно, самым большим камнем преткновения на пути этого величайшего и новейшего эксперимента в области государственного строительства является сам человек, его извечные черты вроде жадности, жестокости, тщеславия и много-

го другого. Но на это философы и теоретики коммунизма невозмутимо отвечают, что все эти скверные черты со временем удасться путем воспитания изгнать из детей, а следовательно, из всего рода человеческого...

Однако не подумайте, что в России уже исчезли алчные и хитрые люди и связанные с ними всевозможные разновидности взяточничества и обмана. Как раз сейчас газеты публикуют материалы о разоблачении одного такого случая — в Ташкенте. И другого — на шахтах Кузбасса. Но при всем при том я не понимаю, каким образом подобным мошенникам удастся действовать где-либо, кроме этих гигантских предприятий. Ибо проверки многочисленны, а наказания строги... Возможно, кому-нибудь и удастся раздобыть и скрыть какие-то капиталы, но если его раскоды (а на что, собственно говоря, здесь можно тратить деньги?) будут чрезмерными или хотя бы заметными, он сразу же выйдет. Собственно говоря, единственный способ выдвинуться лежит в личном интеллектуальном или культурном развитии, накоплении знаний и использовании всего этого на благо России.

ВЕСЬМА возможно, что, как только русские снабдят себя материальными благами и даже кое-какой роскошью (тем, что у нас в Америке сейчас уже есть), они с некоторой брезгливостью отвернутся от них и обратятся к тому, что я лично считаю самым важным — к духовным и интеллектуальным поискам и развитию. Если только я не полностью ошибаюсь в оценке русского темперамента, то это — нация мыслящая и (что не так уж хорошо) даже склонная к некоторой рефлексии. Русский любит размышлять и мечтать. Это видно по его глазам. И он бросит любое занятие, даже теперь, при всей спешке и волнении великого современного индустриального строительства, которое, по его мнению, идет с необычайной быстротой, чтобы обсудить все, что ему придет в голову обсуждать, — искусство, литературу, науку, политику, дела и привычки своих ближних и в первую очередь тайный смысл или бессмысленность жизни. (И, по моему мнению, именно последнее занимает его более всего). И в самом обычном разговоре он сыплет красочными пословицами, порождая которые могла только склонность к образному мышлению.

Более того, даже когда они описывают великолепное материальное процветание, которое, как они верят, их ожидает, я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь говорил о нем с чисто личной или узко эгоистической точки зрения. Наоборот, это всегда общее грядущее процветание, в котором каждый будет иметь свою долю, каждого ждет изобилие, каждый будет счастлив и выберет себе деятельность по вкусу. И в то же время оно означает досуг для размышлений. Если общество (не личность!) — говорят эти русские — можно будет полностью обеспечить благодаря тому, что каждый будет работать по воле, семь, семь или шесть часов, тогда у каждого будет больше времени, чтобы заниматься тем, что ему нравится, — учиться, развлекаться, мыслить, путешествовать. А если общество сможет обеспечить себя всем необходимым при трех- или четырехчасовом рабочем дне — тем лучше...

Когда я разговаривал с ведущими государственными деятелями России или с простыми промышленными рабочими, я постоянно находился под впечатлением того факта, что все они, казалось, воспринимали это новое развитие точно так же: как общее улучшение, цель которого — не материальная роскошь, а интеллектуальный досуг, который будет обеспечен накоплением достаточного материального базиса.

ВЛАДИМИР Ильич Ульянов, Николай Ленин. Если весь мир когда-нибудь примет коммунизм, какой великой станет слава этого человека! Он станет всемирным героем... А с какой энергией и последовательностью те, кто стоит у власти, знакомили и знакомят с его теориями, с его словами, с его произведениями, с его мечтами и личностью каждого человека, живущего в этой огромной стране! Все написанное им опубликовано не только в тридцатитомном собрании его работ но и в бесчисленных отдельных изданиях и брошюрах. И популярность их ни с чем не сравнима. Миллионы людей, еще только учащих читать и писать, пользуются его произведениями как учебниками. Его прощальные и дальновидные высказывания и острые афоризмы, написанные на кумачовых лентах, висят на улицах, в рабочих клубах, на фабриках и в коридорах учреждений...

А его тело лежит в стеклянном гробу под затянута красной материей потолком траурного деревянного Мавзолея на Красной площади. Резкий белый свет падает на его бледное, усталое лицо с монгольскими скулами, высоким лбом и небольшой бородкой. Невысокий человек, и очень-очень утомленный. (Мне показалось, что он устал лежать там под взглядами миллионов глаз, которые скользят и скользят по его неподвижному лицу). Но как удивительно это лицо, и какие поразительные вещи рассказывают о его жизни! И как любил его все, кто с ним работал!.. И вот каждый вечер, из года в год, вечно меняющиеся многотысячные вереницы людей приходят, чтобы посмотреть на него и обрести новое вдохновение.

Я не раз видел их зримым вечером между пятью и семью часами, когда они стояли вдоль высокой, присыпанной снегом кремлевской стены и ждали, ждали... В эти часы вход в Мавзолей открыт для всех. Одни, проходя, вытирают глаза. Другие, более мистические по натуре, крестятся или благоговейно касаются барьера, окружающего стеклянный гроб с телом. Иные останавливаются и глядят на него внимательно, благоговейно, словно о чем-то спрашивая или желая что-то постигнуть, — ведь его дела, слава и гений превосходят пределы их понимания.

Спи спокойно, Ильич, отец новой социальной силы, которая — кто знает, — может быть, изменит мир!

Перевод с английского И. Гуровой.